КРОКОДИЛ

№ 33 МОСКВА 20 ОКТЯБРЯ 1945 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXIV ЦЕНА НОМЕРА — 80 КОП.

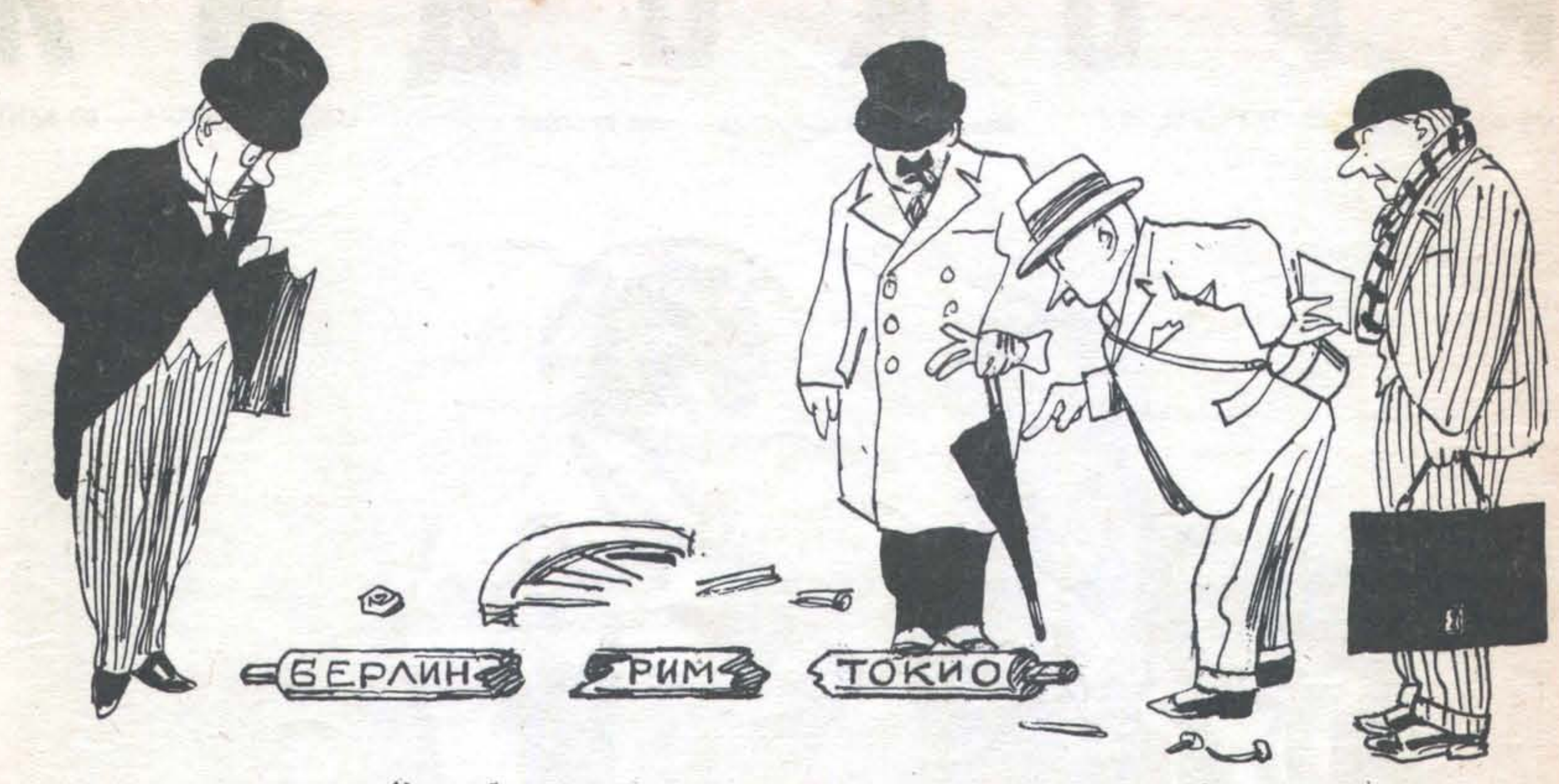
Рис. С. Костина

ЗАРЕКОМЕНДОВАННАЯ МАРКА

— А хорош ли примус?
— Будьте уверены: на военном заводе делали!

УТИЛИЗАЦИЯ ОТБРОСОВ

Рис. Л. Бродаты

— Может быть, из этого лома, мосье, можно тоже смастерить какой-нибудь блок?

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОСЕНЬ

Осень наступила, высохли цветы красноречия, и глядят уныло поблекшие защитники гитлеровцев: судебный процесс в Люнебурге над эсэсовскими злодеями лишил многих слезоточивых леди и женственных джентльменов такой прекрасной темы для душеспасительных проповедей!

О чём им сейчас говорить? О чём слёзы лить?

Асторы осенние... Это те самые осени поздней цветы запоздалые, которые израсходовали немало благоуханий, чтоб затуманить голову широкой публике. Добровольные адвокаты мужского, женского и консервативного пола ещё недавно тщились доказать, что коменданты и палачи германских концлагерей — это ангелы со свастикой на нежных крылышках.

Новые времена, но старые птицы. Старые птицы, но новая тема.

Сейчас не по сезону кричать о фашистских ангелах. Упомянутые выше леди и джентльмены, а также некоторые мусью изобрели новый пикантный сюжетец, занявшись блокоискательством.

На гнилых деревцах захламлённых политических бульваров то и дело раздаётся:

— Блок да блок...

Словно дятел носом — тук да тук.

Приметы осени во всём встречает взор... Начался листопад. Кружатся, вертятся жёлтые листки реакционных газет.

И не осенний мелкий дождичек брызжет, брызжет сквозь лондонский или парижский туман. Это брызжут слюной жёлтые газетки: одни распространяют балканские басни, другие, переменовав на скорую руку блок в семью, воспевают прелести западносемейной жизни.

А сколько уток! Сколько самых бесстыжих и нелепых газетных «уток»!

Невольно вспоминаются слова поэта, который, рисуя картину осени, отмечает:

«И только утки, как всегда,
Плескались глупо у пруда...»

* * *

Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора... Вот-вот наступит эта дивная пора. Давно пора!

Мы имеем в виду предстоящий в Нюрнберге суд над фашистскими главарями.

Пришла осень в старую нюрнбергскую тюрьму. Поблекли и увяли геринги и риббентропы.

Зарубежные газеты, со слов английского офицера, коменданта тюрьмы, рассказывают, как сейчас проводят время эти арестанты.

Сильно похудевший Геринг притворяется сумасшедшим, льёт слезы и требует кокаина.

Риббентроп тоже играет роль психопата, но у него свой репертуар: он прыгает по камере на одной ноге, с чувством исполняет похабные песенки.

Франк, бывший «генерал-губернатор» Польши, впал в религиозный экстаз. Он весь день молится богу и убеждает его, что он, Франк, ни в чём не повинен.

Кейтель и Иодль держатся особняком. Они не притворяются идиотами. Но зато они притворяются антигитлеровцами и заявляют, что с такой шантрапой, как Геринг, Риббентроп и Лей, они ничего общего не имеют.

Пьяница Лей также не прикидывается сумасшедшим. Он ведёт себя нормально и забрасывает тюремное начальство просьбами о выдаче ему всё новых добавочных порций алкогольных напитков...

Близок день, когда все эти человеческие отбросы предстанут перед судом. Да, в этом году в Нюрнберге ожидается небывалая осень!

Г. РЫКЛИН

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ФРАНКФУРТ НА МАЙНЕ. Находящийся в местной тюрьме Рудольф Гесс заявил на следствии, что у него ослабела память и поэтому он не может отвечать на вопросы о своей прошлой деятельности. «Вообще,—сказал он следователю,— я не помню зла и вам не советую».

БУЭНОС-АЙРЕС. Так как местный университет занят полицейскими, а большинство профессоров и студентов находится в тюрьме, аргентинские власти нашли целесообразным передать тюрьму в ведение министерства народного просвещения, университет же оставить в ведении полиции.

ЛЮНЕБУРГ. В целях полного выяснения психологии начальника бельзенского концлагеря Крамера защитник последнего ходатайствует перед судом о вызове авторитетных экспертов. Как утверждают в авторитетных юридических кругах, защитник рассчитывает затянуть этот процесс, так как наиболее авторитетные эксперты по людоедству находятся на отдалённых Полинезийских островах.

АФИНЫ. В связи с тем, что взрослые и здравомыслящие люди едва ли будут голосовать за Вулгариса, избирательная комиссия, как установлено, раздаёт избирательные списки несовершеннолетним, не достигшим избирательного возраста. Кроме детей к выборам будут, возможно, допущены и те из взрослых, которые уже успели впасть в детство.

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Он никогда не расставался с книгой: возьмёт в библиотеке — и не вернёт!

Мудрецы и дантисты смотрят в корень.

— Века были так себе... средние.

Она не понимала его, как бесхитростные ходики, вероятно, не понимают хронометра.

Не всякая грязь целебна.

Это был не концерт, а пытка. Гитарист щипал струны гавайской гитары, а гитара щипала за сердце слушателей.

О лифте можно было сказать, что он работает без подъёма.

Апоплексический удар судьбы.

Земля вертелась. Кое-как вертелся на ней и он.

Человек с образованием в объёме неполного отрывного календаря за прошлый год.

— Нашёл, чудак, время просить моей руки, — когда я ещё маникюра не сделала!

Больше всех заботятся о блеске чистильщики сапог.

Всю жизнь писал только критические подвалы. Ни одного критического небоскрёба на его совести не было!

Спектакль был из тех, сидеть на которых можно только по приговору суда.

О заведующей продмагом, с восхищением:
— Сказочная женщина! Шахермахеразада!..

Книголюб. Так дорожит книгами, что даже не разрезает их.

М. ЯКОВЛЕВ

ГРУСТНАЯ ПЕСЕНКА

Не раз корабль я в плаванье
Далёкое водил
И к самой дальней гавани
Дорогу находил.

За синими туманами
Я звёзды узнавал.
С ветрами, ураганами
Справлялся мой штурвал.

Но к девушке под липами
Не катится волна,
Как будто всюду рифами
Она окружена.

Меж рифов, рядом с бережком,
Все штурманы пройдут,
Но к сердцу гордой девушки
Куда сложней маршрут.

Летел к ней смелым соколом,
Но всё пошло невпрок.
Ходил вокруг да около —
Пути найти не мог.

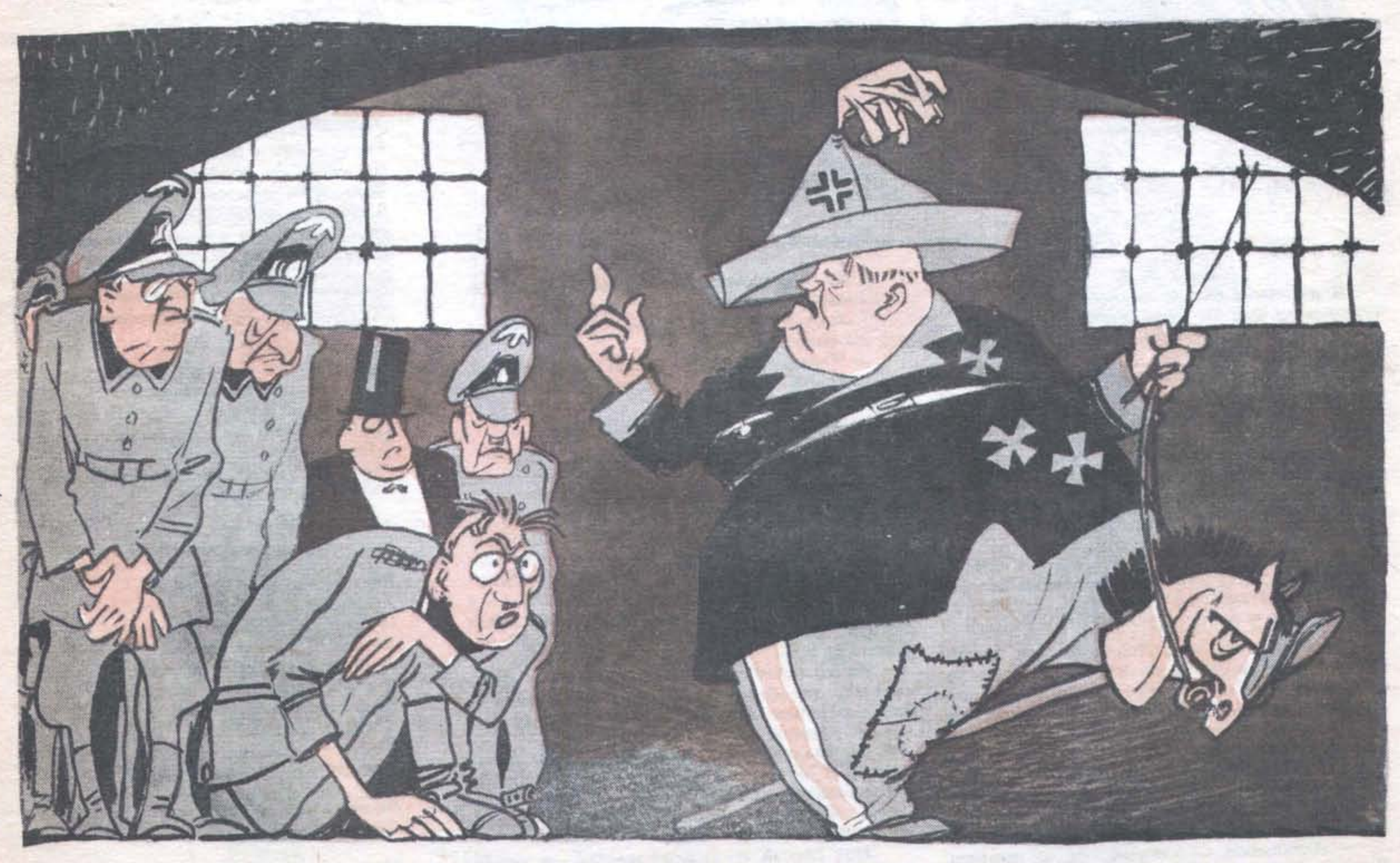
Ходил вокруг да около,
Шестой уж год хожу.
Как будто я, товарищи,
Сверхсрочную служу.

Алексей ФАТЬЯНОВ

В ПОРЯДКЕ СТАРШИНСТВА

Геринг и другие заключённые в нюрнбергской тюрьме фашистские главари прикидываются сумасшедшими.

Рис. К. Елисеева

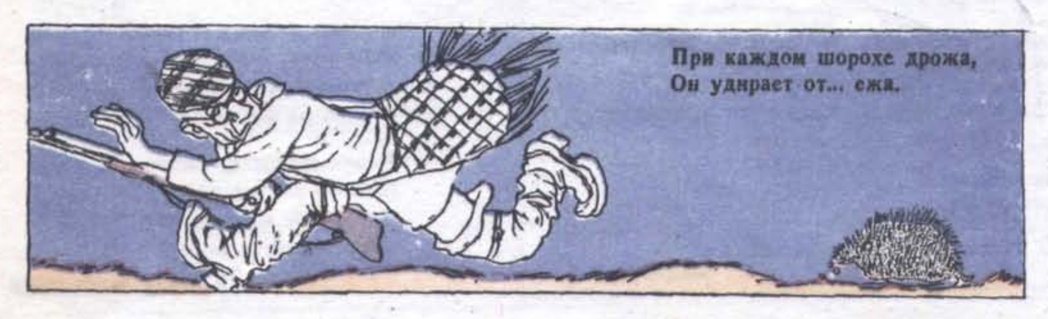
— Не лезьте вперёд: первым схожу с ума я! Я и в списке подсудимых первый!

Рис. М. Черемных

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

ПО БОЛЬШАКАМ И ПРОСЕЛКАМ

(Из блокнота журналиста)

ЩУКА

В районном центре имелся ресторан. Расположен он был на самом берегу реки Омь.

Меню в оном заведении было тоскливое: щи, щи, щи...

Директор ресторана неизменно ссылался на «вышестоящие организации», кои, по его утверждению, не отпускали полагающихся продуктов.

Однажды сотрудники ресторана решили помыть в реке чан, в котором они готовили пищу. Они подкатили его к берегу и погрузили в воду. Когда же стали вытаскивать чан, в нём оказалась... большая щука.

В тот день посетители ресторана с аппетитом кушали уху и сожалели, что служащие ресторана так редко моют посуду.

ВЕЖЛИВОСТЬ

Председатель райисполкома Ложкин, предупредив меня, чтобы я не вздумал ночевать в гостинице, где, по его сведениям, обрели постоянное местожительство клопы, предложил переночевать на диване в его кабинете. Он дал свой тулуп, которым я укрылся.

Спать я лёг поздно — часа в четыре утра. И только забылся сном, как почувствовал, что кто-то тянет с меня тулуп. Я открыл глаза: это был райисполкомовский кучер.

— Извиняюсь, — говорил он, — товарищ Ложкин с утра сегодня собирался в колхозы, так что тулупчик ему потребуется.

Я не стал возражать и удовольствовался собственным пальто.

Только я снова задремал, меня разбудил тот же голос:

— Извиняюсь. Мне секретарша сказала, что товарищ Ложкин не велел вас беспокоить. Вот вам тулупчик обратно...

Больше я в ту ночь не заснул.

ЧУЖАЯ СЛАВА

В районном центре открывалась сельскохозяйственная выставка. Из колхоза «Крутой яр» на ней должна была экспонироваться корова-рекордистка «Звёздочка».

Доярка не захотела мучить свою любимицу дальним перегоном и повела на выставку «Бряндахлыстку» — корову, куда более представительную, чем «Звёздочка», но почти непродуктивную.

На районном смотре лжерекордистка пользовалась всеобщим вниманием. Зоотехники с важным видом осмотрели её и присудили ей первую премию.

«Бряндахлыстку» запечатлели на киноплёнке. В районной и областной газетах описали её великие достоинства.

Истинная же виновница торжества спокойно паслась в стаде.

Этот случай, по нашему мнению, не лишён морали: смотри, кому воздаёшь почести.

ВАС. РУСАКОВ

ОСЕННИЙ ЛИРИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Бульвар. Под деревом скамья.
Над деревом луна.
Картину эту вижу я
Из своего окна.
Картина эта, знаю я,
Пока что не полна:
Итак: под деревом скамья,
А на скамье она.

От туфель до скромного бантика
Сплошная мечта и романтика.

А рядом с ней, конечно, он.
Осенний воздух чист,
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.
И, в подтверждение стихам,
Слетая плавно вниз,
С дерев неслышно к их ногам
Спадает жёлтый лист.

Она удивительно томная,
Он пылкий, как бомба атомная.

Такой накал в его груди,
Что если вспыхнет вдруг,
Он всё сожжёт, того гляди,
И всё взорвёт вокруг.
Ей катастрофа не страшна:
Она сама горит,
Она сама любви полна,
Так сердце говорит.

Но оба молчат, тем не менее,
Как будто пришло онемение.

Она молчит, и он молчит,
Ни слова до сих пор.
Она скучает, он сопит —
Весёлый разговор.
Ничто не скажется само,
Ты слову дай разбег...
Она доела «Эскимо»,
Он докурил «Казбек»

И, сердцем более встревоженным,
Поплёлся опять за мороженым.

Принёс! Теперь с чего начать?
Уже молчать невмочь.
Кино, театр и печать
Не могут им помочь.
Ведь, если хочется излить
В стихах любовь свою,
Нельзя сказать: «Давай «крепить»
Советскую семью!»

Семья — это душ единение,
Какие ж тут ставить крепления?

В запасе чудные стихи
Про тыл, про фронт, про бой,
Про трактора, про лемехи
И, уж само собой,
Про самолёт, про пулемёт,
Про рёв штурмовиков.
Меж тем она с волненьем ждёт
Любви волшебных слов.

Но страсти забыты поэтами,
И плохо влюблённым поэтому.

Ведь нет у сердца языка,
Любви красивой нет,
И слов волшебных нет, пока
Не даст их нам поэт.
А я не в силах им помочь,
Я только юморист.
Они молчат. Проходит ночь.
Спадает жёлтый лист.

Над голым деревом луна,
Под деревом скамья
Печален он, она грустна,
Затосковал и я.

Мне жаль, молодые влюблённые,
Что лирикой вы обделённые!

М. СЛОБОДСКОЙ

ИСТОРИЯ МОЕГО БРАКА

Вы НАХОДИТЕ мой брак удачным? Не спорю. История его, мне кажется, заслуживает внимания.

Я спускался по лестнице многоэтажной гостиницы. Часы показывали без пяти восемь. Ровно в восемь я должен был договориться с Татьяной Ивановной о встрече в кино. Не перебивайте... Эта встреча должна была, наконец, определить наши отношения.

В глубине вестибюля я увидал телефон. Я подошёл и попросил разрешения позвонить.

— Администрация не разрешает,— сказала дежурная, взбивая крашеные, цвета мочалки, волосы.

Я спустился этажом ниже. На часах было без четырёх восемь. На том же месте стоял стол и телефон. Только цвет волос у дежурной был иссиня-чёрный. Я откашлялся и повторил просьбу. От белобрысой своей коллеги эта дежурная отличалась лишь тем, что переместила подлежащее и сказуемое, рявкнув:

— Не разрешает администрация!..

Меня охватила тревога: Татьяна Ивановна не выносила опозданий.

Я быстро спустился на следующий этаж. Было без трёх минут восемь. Я подбежал к дежурной и в третий раз попросил разрешения позвонить.

— По какому вопросу? — осведомилась дежурная.

Следы былых страстей бороздили её лицо, и меня окрылила надежда: эта поймёт! Я наклонился и доверительно прошептал:

— Свидание...

— Свидание? — переспросила дежурная, отшатываясь, точно я предложил ей украсть пару туфель из ближайшего номера.— Телефон для деловых разговоров.

Я сбежал этажом ниже и ринулся к дежурной. Было без двух восемь. Юная девушка (с лицом мадонны) удивлённо подняла на меня глаза. Голосом, в котором звучали скрипки, я почти пропел свою просьбу.

— Вам очень нужно? — спросила мадонна, и лукавый огонёк блеснул в её синих мечтательных глазах.

С уст моих едва не сорвалась правда. Но в ушах звучал ещё ответ, полученный этажом выше, и я, деловито подтянувшись, возгласил:

— Нужно срочно заказать для нашего орса вагон коз...

Лицо мадонны выразило разочарование. Она со вздохом произнесла:

— Частные разговоры воспрещены...

В одно мгновение я был этажом ниже. Было без одной минуты восемь. Дежурная щебетала по телефону, назначая свидание неизвестному мне капитану Сидоркину. Они никак не могли договориться. Жестокий эгоизм её привёл меня в отчаяние.

— Поверьте, — застонал я, — в эти минуты решается моя судьба!..

— Без истерик! — оборвала меня дежурная, прикрывая ладонью трубку. — Для частных разговоров телефон-автомат в самом низу.

Я перегнулся через перила: плотная цепь из двух десятков людей, уставившихся один другому в затылок, тянулась через весь вестибюль к заветной трубке.

Отчаяние придало мне силы. Не помню, как я очутился у телефона этажом ниже. Губы мои тряслись. Я не мог выговорить ни слова и перешёл на язык жестов.

— Вам, вероятно, нужно позвонить? — спросила меня дежурная.

«Издевается»,— решил я и сделал движение, чтоб ринуться на этаж ниже, но она остановила меня:

— Дело в том, что администрация не разрешает...

Я рванулся к лестнице прочь от дьявольского телефона.

— Однако...— донёсся до меня её голос, — в отдельных случаях...

— Но это и есть отдельный случай! — взвыл я, и слёзы выступили у меня на глазах.

Вы говорите: чудес не бывает? Неправда! Жалкий вымысел прошлого мира! Дежурная вложила трубку в мои трясущиеся руки, я набрал номер телефона и услышал знакомый голос...

Спустя два часа, когда я провожал свою даму из кино, всё определилось: я был безнадёжно влюблён. А спустя два месяца мы зарегистрировались. Недавно, как вам известно, Людмила Ивановна одарила меня прелестной двойней.

В ваших глазах, однако, я читаю недоумение: почему я зову свою супругу не Татьяной, а Людмилой Ивановной? Мне кажется, что вы уже сами догадались. Я говорил вам, что Татьяна Ивановна не выносила опозданий. Отношения наши определились, таким образом, ещё до кино. Скажу вам прямо: я положил трубку. Я не выношу женщин со злым сердцем... В восемь пятнадцать Людмила Ивановна кончала дежурство, и я предложил ей пойти со мной в кино. Остальное вам известно.

Вы находите мой брак удачным? Не спорю. История его, мне кажется, заслуживает внимания.

Л. ВАЙСЕНБЕРГ

В АТЕЛЬЕ МОД

Рис. И. Семёнова.

Картинка, а не костюм!

Костюм, а не картинка!!!

Рис. А. Каневского

ТЕРЕМ-ТЕРЕМОК

ЗАОЧНАЯ ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ

— Тебя начальник к телефону зовёт.
— Дай мне скорей новый галстук!

Рис. В. Клинча

ПРИЯТНОЕ С ПОЛЕЗНЫМ

Одна завивается, другая развивается...

Стоит этот совсем не сказочный терем-теремок в маленьком городе Орске, на улице, щедро перерытой рвами и поросшей травою.

На фасадах подобных теремков в прошедшие времена красовались такие, к примеру, зазывные и с некоей даже заявкой на поэзию вывески: либо это был «Отель Мон-Репос с французской кухней Гранд прикс», либо «Первоклассные роскошно меблированные комнаты «Луч» (бывш. «Гигиена»), либо «Уездная гостиница «Волга» с подачею».

Надпись на вывеске, коей озаглавлен «отель» в маленьком старом Орске, Чкаловской области, наоборот, выведенная как бы суховатым, твёрдым почерком главбуха, начертана над дверьми: «Гостиница № 1». И всё. И никаких «Гигиен» и «Монрепосов»!

И вот здесь, на левом бережку Урала, где живёт на пенсии престарелый Орск — городишко с развалившейся крепостцой и колокольней без купола, на пыльном холме, — здесь и будет для нас приютом вот этот двухэтажный терем-теремок.

Мы поселяемся в «отеле» всего на несколько дней и ночей. Но и этого вполне достаточно. О, эти дни и особенно ночи! И ты, о регистраторша, на которую мы спервоначалу обиделись, когда ты, безучастно вертела в руках предъявленную нами бумажку со штампом Орского горсовета и заученно твердила:

— Номеров нет, коек тоже нет...

Не был ли в этом твоём ответе акт человеколюбия: дескать, отважу их,— может, где-нибудь у людей по-человечески устроятся!

И вот она — ночь первая в «Гостинице № 1», как ночь в джунглях, полная тревожных шорохов и звуков. Лает внизу за окном дворовая собачка. У этой дворняги, как оказывается, одно несложное обыкновение: лаять всего один раз в сутки — с утра и до утра...

До глубокой ночи три уборщицы во всю силу своих вокальных средств обсуждают за нашей дверью вопрос, не терпящий по всем признакам никакого отлагательства: дебатируется большой и малый засол огурцов, обсуждаются проблемы и пропорции чеснока, соли, моркови, укропа.

К их концерту присоединяется ломающий все преграды, истошный, «высокой частоты» голос. «старожила» гостиницы — из вестибюля, где стоит телефон. Ничего не поделаешь — приходится слушать. Ничего, что дело далеко за полночь и что никто в «отеле» не подумал об изоляции «рабочего места» с телефонным агрегатом. Ничего! Дирекция ведь не ночует здесь. А посему, чающие сна и отдыха, хочется вам этого или, наоборот, совсем не хочется, слушайте, слушайте!

Итак, слушаем:

— Алло, это кто? Это ты, Алёша! Алло, это я, Костя. Ну, как у тебя? У меня? Как всегда. Агнессу Фёдоровну знаешь? Не-знаешь? Шут её знает, и я не знаю. Во — пьёт женщина! Только водку и вино. Во—бедствие какое на волнах нашей командировочной жизни. Алло!

Гром у телефона, наконец, утих. Продолжает свою заунывную непрерывку дворовая собака. В номере густо запахло давленым клопом. Немедленно на смену почившим выходят из стены живые кровососы.

И вот, наконец, утро. Лает и лает собачка. Фыркают под окном у умывальников постояльцы из общежития. Просыпаются мириады мух, вздремнувших на листьях большого фикуса, зачем-то втиснутого вместе с огромной кадкой в наш маленький номер.

— Администр-р-рация! — доносится из-за стены слева густой протестующий голос. — Мухи заели! Администр-р-рация!

Заодно мы слышим, как в соседнем номере справа степенный голос объясняет другому жильцу:

— За клопов не скажу, но блох у нас, извиняюсь, нет. Мухи тоже, конечно, досаждают, это мы понимаем, но, что касается блох...

Блохи тоже, увы, есть. В этом с прискорбием и очень наглядно убеждаемся в следующую же ночь. Жжёт спину, кусает... душно. Лает во дворе собачка. Истошный голос «старожила» Кости оповещает по телефону Алёшу, а заодно коридоры и все номера, что он, Костя, послал в свой главк две молнии, однако денег не шлют и ничего ему не отвечают:

— Денег нету ни сантима! Харчиться нечем! Пить тоже не на что!

Уборщицы вновь уже на своём «посту», за дверью. На повестке и в оживлённых прениях — что будут выдавать по детским талонам...

И утром вновь:

— Администр-р-рация!!

— Опять вы, гражданин? Не стыдно вам? У самих какая комплекция, а маленькой мухи испужались!..

А там, на другом берегу, за рекой Урал, в новом, большом Орске, где без всякого «согласования» с левым берегом мощная теплоэлектроцентраль глубоко дышит киловаттами энергии, где в зное цехов никелькомбината растут тонны чудесного сплава для сталей и чугуна, где, как завзятые курильщики, окутались дымком заводы-металлурги, — там по новым проспектам прошла асфальтовая магистраль, там вскоре, звеня и играя, пойдут по кольцу трассы трамвайные поезда, а вверх по течению Урала и наперекор учебникам географии разольётся на сотни квадратных километров самое настоящее «Орское море».

И вдруг да случится вот такое: разбушуется однажды сне новоявленное море, подойдёт оно к берегам старого Орска и плеснёт сразмаху холодной волной в окна и закутки терема-теремка?! И в шуме сердито бурлящих волн мы с вами услышим:

— Легче новый город построить, с театрами, клубами, универмагами и гостиницами, легче русла рек перекроить, чем из маленькой, захламленной гостиницы прогнать одного директора — по фамилии Павлов, — убеждённого бездельника, маститого клопофила, несравненного покровителя блох и мух!

Л. МИТНИЦКИЙ.

г. Орск.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

НЕУДАВШАЯСЯ ХИТРОСТЬ

Скупой обыватель, узнав, что некий доктор берёт за первый визит пять долларов, а за последующие — только по два, вошёл к врачу со словами:

— Я опять к вам, доктор.

— Что-то я не помню вас, — сказал врач. — Ну ладно, как вы себя чувствуете?

— Неважно, доктор, совсем неважно.

— Тогда продолжайте процедуры, которые я вам прописал в прошлый раз... С вас два доллара за визит.

ДЛИННОЕ ИМЯ

— Какое имя вы хотите дать ребёнку? — спросил священник.

— Чэльс - Уильям - Роберт-Монтгомери-Стерлинг.

Священник повернулся к помощнику:

— Прибавьте ещё воды в купели.

НА ТЕЛЕГРАФЕ

Смущённая девушка подала в окошечко телеграмму, содержавшую только фамилию солдата, номер полевой почты и слово «Да».

— Для телеграмм в армию существует льготный тариф, — ободрила её телеграфистка.—За эту же цену вы можете добавить ещё пять слов.

— Знаю,—отозвалась девушка.—Но не будет ли похоже, что я слишком вешаюсь ему на шею, если я повторю «да» шесть раз?

ВСЕГО ЛИШЬ ПРИМЕР

В первое утро после свадьбы молодой супруг встал спозаранку, спустился в кухню, старательно приготовил завтрак и молча подал его жене в постель. Новобрачная была очень тронута.

Потом супруг заговорил:

— Ты обратила внимание на то, что я сделал?

— О, конечно, мой дорогой. На каждую мелочь!

— Отлично. Вот так я хочу отныне каждое утро получать мой завтрак.

Доподлинно установлено фольклористами, что в старую, известную всем с детства сказку про сороку-ворону вкралась грубая неточность, вкорне меняющая смысл и характер всей сказки.

В неисправленном варианте сказки утверждается, что сорока-ворона кашу варила и якобы деток кормила. Новейшие научные изыскания категорически опровергают столь легкомысленное поведение сороки, испокон веку известной как птицы мудрой.

На самом деле сорока-ворона кормила не деток, а своих добрых знакомых и приятелей, с которыми была связана узами взаимных услуг. Одного кормила кашкой за то, что он воду носил, другого — за то, что он дрова пилил, а третьего — за то, что он что-то вороне достал. Не так уж сорока глупа и неопытна, чтобы разбрасываться кашей направо и налево, не получая ничего взамен!

Вот с такой именно точки зрения и надо подходить к анализу сказки о том, как смоленская сорока-ворона, свившая себе тёплое гнездо в кабинете управляющего областным пищепромом Васюрина, распределяла варенье— двести килограммов малинового варенья, изготовленного на чистом сахаре.

Недавно Васюрин снарядил специального снабженца в город Гжатск, и тот через несколько дней доставил в мягком вагоне скорого поезда пять бидонов малинового варенья.

Оставив себе скромный прожиточный минимум, Васюрин всё остальное варенье роздал. Однако было бы наивным полагать, что варенье получили все знакомые, без разбора, просто так, «за красивые глаза»: в самом принципе распределения этого лакомого продукта был заложен глубокий практический смысл. В этом нетрудно убедиться.

Директору швейной Гурилёву нужно было дать варенье? Нужно! А для того чтобы прочно закрепить свои швейно-коверкотовые позиции, надо подсластить на швейной фабрике и закройщиков и других смежников этой важной отрасли промышленности.

Из тех же соображений не следует обижать начальника обллегпрома Лебедева: товарищ сугубо полезный и может пригодиться.

Опять-таки управляющий Когизом Шкляров — не последняя спица в смоленской колеснице. Понадобится бумага, учебники или календари — придётся его потревожить; значит, надо и его иметь в виду.

А как быть с Агафоновым — управляющим Аптекоуправлением? Ведь у него ничего, кроме аспирина, не достать. И дать ему варенья, выходит, жалко, и не дать — обидится. Хватит с него одного кило.

А управляющему Промбанком Васильеву надо дать варенья? Откровенно говоря, можно было бы обойти его, но как быть тогда с перерасходом на строительство?

Сложная, что и говорить, процедура, ответственная. Но смоленская сорока-ворона блестяще справилась с этой задачей. И получилось всё почти как в сказке:

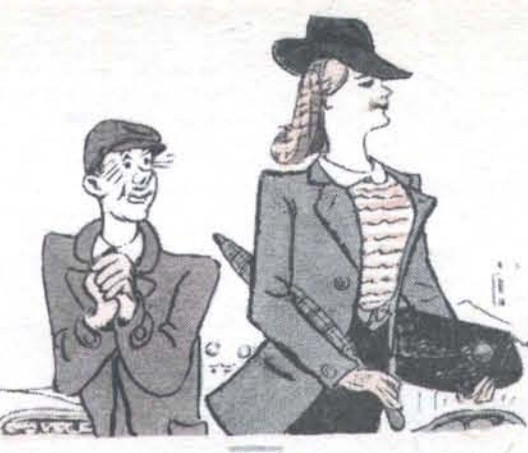
— Сорока-ворона варенье добыла, знакомых кормила. Этому дала — он сапоги достал, этому дала — он костюм сошьёт...

И. НОВИКОВ.

Смоленск.

СИЛА ЛЮБВИ

Рис. Б. Фридкина

— Нет, она от меня не скроется: найду где угодно...

— Даже под землёй!

ОДНАЖДЫ...

ХОРОШИЙ ТОН

Однажды на одном из представлений оперы «Риголетто» с участием известного итальянского певца Мазини музыкальный критик К. занял в театре место рядом с адвокатом и поэтом Андреевским, славившимся своим остроумием и находчивостью.

Во время исполнения Мазини коронной арии музыкальный критик, отбивая ногою такт, стал подпевать певцу.

Андреевский не выдержал и сказал:

— Слушать не даёт — вот беспардонный субъект!..

— Это вы про меня? — спросил критик.

— Нет, про Мазини... Этот невежа поёт так громко, что вашего пения я почти не слышу...

ПО ДОВЕРЕННОСТИ

Однажды во время судебного процесса адвокат-черносотенец Замысловский жаловался на головную боль.

— Это — увы! — болезнь всех умных людей,— сказал он стоявшему рядом с ним адвокату Карабчевскому.

— Очевидно, вы больны по чьей-либо доверенности! — воскликнул с улыбкой Карабчевский.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Я очень страдаю желудком. Врачебная комиссия дала заключение, что я нуждаюсь в диэтическом питании.

Я обратился к своему начальнику — директору треста очистки тов. Молчанову—с просьбой выдать мне из подсобного хозяйства немного яиц и молока.

Тов. Молчанов поддержал мою просьбу и переслал на визу председателю колхоза тов. Лебедеву, а тот наложил резолюцию, которая повергла меня в смятение.

В самом деле, Лебедев начертал: «Воздержаться до нового урожая».

Я прожил на свете 62 года, но не знаю, когда, по правилам агротехники, снимают урожай молока и яиц?

Андрей ШАПОШНИКОВ

Калуга.

Товарищ Крокодил!

На повестке дня пленума Режевского райкома партии стоял вопрос о ходе электрификации района. Но вопрос неожиданно был снят.

Сначала я не понял, почему так поступили. А потом мне всё стало ясно.

Разве можно было бы на пленуме обойти молчанием такое интересное начинание, как самоэлектрификация? Успехи, достигнутые в этом направлении директором Режевского механического завода Кузьмичёвым, ещё мало изучены. Известно только то, что Кузьмичёв легко ликвидировал ощущающийся в городе дефицит в электроэнергии.

Чтобы обеспечить себе бесперебойное пользование электроэнергией для освещения и бытовых нужд, Кузьмичёв распорядился выключить свет в пяти соседних домах.

Несмотря на то что жители этих домов пребывают в абсолютной темноте, кипучая деятельность Кузьмичёва освещается ярким прожектором, так что районные организации имеют все благоприятные возможности, чтобы изучить её во всех подробностях.

И. ШВЕЦОВ

г. Реж, Свердловской области.

Дорогой Крокодил!

6 апреля с. г. исполком Брянского горсовета утвердил «Правила уличного движения». 17 августа эти «Правила» были опубликованы в местной газете. Вполне понятно, что если документ путешествовал из канцелярии горсовета в редакцию 4 месяца 11 дней, то это не могло пройти для него бесследно.

Действительно, в документе оказалась серьёзная нехватка. В нём установлена строгая ответственность «за нарушение настоящих правил уличного движения», но совершенно не указано, в чём эти правила заключаются и что следует считать не нарушением.

Вот почему я (и, вероятно, другие жители Брянска), начиная с 17 августа, стараюсь как можно реже показываться на улице. Правил я не знаю, зачем же нарываться на штраф?

Сижу дома и волнуюсь: а вдруг горсовет издаст «Правила внутреннего распорядка в коммунальных квартирах»? Установит ответственность и опять не укажет, как надо себя вести в своей собственной комнате.

Куда я тогда денусь?

М. ТЫМКО.

Брянск.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда".

Москва. Изд. № 715. Подп. к печати 17/X 1945 г. Отатформат 72×105 см. Печ. л. 1½. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 25034. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2086. Тираж 114.060 экз.

«БЕЗОПАСНАЯ ДОРОГА»

Рис. Ю. Ганфа

ШОФЕР: — Сходи с дороги — задавим!
ПРЕДРАЙИСПОЛКОМА: — Шутишь, приятель: по моей дороге до меня не доберёшься!

С МИРУ ПО СТРОЧКЕ

ДОРОГУ МОЛОДЫМ ТАЛАНТАМ!

Газета «Восточно-Сибирская правда» обрадовала своих читателей интересным сообщением о конкурсе молодых учёных:

«В целях поощрения работ молодых геологов, Геолого-географическим отделом Академии наук СССР объявлен конкурс».

Газета обрадовала читателей и тут же огорчила. По словам газеты, «в конкурсе могут участвовать лица, окончившие вузы не раньше, чем за 15 лет до конкурса, и не окончившие вузы в возрасте до 8 лет».

Горе молодых учёных в возрасте 9 и 10 лет, не окончивших вузы, не поддаётся описанию. Газета «Восточно-Сибирская правда» что-то явно напутала, а им — девятилетним сорванцам — покоя нет от восьмилетних участников конкурса: они их буквально задразнили и проходу не дают:

— Куда суётесь? Переросли!..

УСАТЫЕ ВУНДЕРКИНДЫ

А вот в Ульяновске ударились в другую крайность. Местная газета «Ульяновская правда» напечатала объявление:

«Детская музыкальная школа объявляет приём учащихся на 1945—1946 учебный год по классу вокала.

Принимаются лица с 18-летнего возраста».

Представляем себе усатых и бородатых вундеркиндов, которые откликнутся на призыв детской музыкальной школы. Вместо тонких дискантов в школе послышатся полновесные баритоны и густые басы.

— Спасибо, удружили!

НОВОЕ В ШАХМАТАХ

В корреспонденции из Самарканда газета «Правда Востока» сообщила, что студент Ю. Неделов, завоевавший звание чемпиона Самарканда по шахматам, получил 9,6 очка из 11 возможных.

До сих пор все шахматисты мира знали, что одно очко означает выигрыш партии, а 0,5 — ничью. Как понимать 0,6 очка? По-видимому, это — нечто среднее между ничьей и выигрышем. Интересно, как разыгрывалась эта партия, где чемпион завоевал лишнюю десятую очка?

К сожалению, самаркандский корреспондент газеты «Правда Востока» — человек скромный и фамилии своей под заметкой о шахматном турнире не указал.

А напрасно: сделанное им открытие принесёт славу не ему, а заместителю ответственного редактора тов. Чернику.

МОРСКОЙ ВИНОГРАД

Древние римляне называли Азовское море Палюс Меатис.

Новочеркасская газета «Знамя коммуны» вспомнила об этом в историческом очерке о виноградарстве на Дону.

Газета утверждает, что «учёный Страбон, живший в первом веке до нашей эры, упоминает о закрываемых на зиму виноградниках в Палюс Меатис (Азовское море)».

Так-таки на воде и произрастал виноград! Может быть, виноградники были расположены у входа в Азовское море? Нет! Именно в самом море!

Интересно: как у древних римлян называлась чепуха?